

18+

Кира Лалори

Чары Болотной Тени

«Лето в Тихой»

Кира Лалори

Чары Болотной Тени. Лето в Тихой

«Издательские решения»

Лалори К.

Чары Болотной Тени. Лето в Тихой / К. Лалори — «Издательские решения»,

Лето в любимой деревне обещало быть тихим: лес, рыбалка, баня по вечерам. Но находка на чердаке перевернула всё с ног на голову. Старинная книга и случайная капля крови выпустили на волю то, что должно было оставаться под замком. Привычная идиллия сменяется чередой пугающих событий: зловещий двойник, загадочная мелодия и жуткая старуха из снов... Кроме того, чтобы спасти друга, Андрею придётся очутиться в сказке и заключить сделку с ведьмой. Сможет ли дружба и вера в чудо победить колдовство?

© Лалори К.

© Издательские решения

Содержание

Чары Болотной Тени	6
♥	6
Примечание	7
В Преддверии Бури	8
Рассветная Пелена	14
Тёмное Наваждение	21
Далёкий Отзвук	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чары Болотной Тени Лето в Тихой

Кира Лалори

Иллюстратор Ms.Lulling

Дизайнер обложки Ms.Lullaby

© Кира Лалори, 2026

© Ms.Lulling, иллюстрации, 2026

© Ms.Lullaby, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8820-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чары Болотной Тени

Эта книга также посвящается моему любимому ковцу — в честь дней рождения каждого из его участников: трёх очаровательных ведьмочек, одного мудрого колдуна и нашего ласкового ведьмовского кота.

Пусть этот год принесёт всем вам чары радости, гармонии и магического вдохновения!

Примечание

Помимо вымысла автора, любые совпадения с реальными людьми и событиями — не случайны...

В Преддверии Бури

*«Поддаться мороку может любой,
но скинуть с себя чары обмана
дано только тем, чья воля крепче иллюзий...»*

К. Лалори

— Какая тяжёлая-то, ё-моё! — пыхтел Михаил Егорович, упираясь плечом в деревянную громадину. — Она что там корни пустила?

Уже почти полчаса мы с ним пытались вырвать нашу старую лестницу, что стояла за сараем, из цепких лап сорняков, которые, как живые, обвивали её перекладины. Высокая трава, крапива и какие-то колючие кусты плотно оплели основание, будто не желая отпускать её из своего зелёного плена.

Вокруг стоял душный июньский полдень, и над полем за домом дрожало марево.

— Да она тут с прошлого века, вот и приросла, — усмехнулся я.

Михаил, кряхтя, поддел ломом один край, а я поспешил ухватиться за другой. Лестница была добротной, дубовой и весила как чугунный мост. Её массивные перекладины, стёсанные по краям, были отполированы поколениями рук, а боковины, хоть и покрылись трещинами, всё ещё оставались крепкими.

— На кой чёрт она сдалась-то нам? — шутливо ворчал Михаил, когда мы тащили её через двор. Периодически он терял равновесие, наступая на комья земли и цепляясь за сухие ветки, что валялись на тропинке. Остановливаясь, чтобы перевести дух, он ставил эту махину на землю, упирал руки в бока и возмущался:

— Так бы залезли по крыше сарая!

— Да я пробовал, никак не нашёл в итоге, как на чердак залезть, — ответил я, еле сдерживая смех.

Идти по дороге ровно у меня не особо получалось: ноги подкашивались, и я то и дело замедлялся, чтобы отдышаться. Ноша и правда была неподъёмной, впитав в себя тяжесть всех тех лет, что простояла в тени сарая. Михаил, глядя на мои потуги, тоже начинал веселиться, и мы стояли посреди тропинки, хохоча, как два дурака.

— Надо было её на тележке доволочь, — шутил Михаил, вытирая пот со лба рукавом рубахи.

— Ну, точно, лестницу тащить, ещё и тележку вдобавок, — подхватил я, вновь рассмеявшись.

— Тётка-то моя, Елена Петровна, — начал он серьёзно, когда мы медленно побрели по тропинке, — знахаркой была. Мать рассказывала, что она с молодости людям помогала. Лечила хвори разные, заговоры всякие делала. Бывало, к ней даже из соседней деревни шли, если со сном беда или ребёнок ночью плакал без причины. Она травы собирала, отвары варила, мази готовила. Говорили, что её настойки мигом на ноги ставили, а заговорённые узелки на удачу рыбакам помогали полные сети домой приносить. Даже скотину лечила: если корова молоко давать переставала, тётка приходила, шептала что-то, и всё налаживалось.

Он замолчал, переступая через груды хлама — обломков мебели, что мы вынесли из дома накануне, расчищая последствия погрома.

— Но мать её не жаловала, — добавил Михаил. — Говорила, нечистая сила ей помогает и держаться надо от неё подальше. Вот там, на чердаке, всё её барахло и осталось... Я как переехал — даже не заглядывал.

Мы прислонили лестницу к стене. Верхняя перекладина доставала до маленькой, почти незаметной дверцы — она была выкрашена в цвет брёвен, и только ржавый амбарный замок выдавал её присутствие.

— Чёрт тебя дери! — выругался Михаил. Он полез первым и долго возился с заржавевшим механизмом. Наконец раздался щелчок, и замок с глухим стуком упал в траву.

Дверь открылась со скрипом, выпуская облако пыли, и Михаил закашлялся, размахивая перед лицом рукой. Когда серое облако немного осело, он замер, широко раскрыв глаза.

— Ну что там? — не выдержал я.

— Это ещё что за... — прошептал он и, пригнувшись, пролез внутрь.

Сгорая от любопытства, я стал быстро подниматься по лестнице. Перекладины скрипели под ногами, а в лицо ударил спёртый, затхлый воздух. Первое, что я увидел, — Михаила, стоящего у стола с каким-то блестящим предметом в руках, похожим на тонкий искривлённый нож.

— Это что? — осторожно спросил я, пробираясь между разбросанными банками и свёртками.

— Ведьмина игла, — пробормотал Михаил, испуганно бросая её обратно на стол. — Да ты посмотри вокруг...

Комната, в которой мы оказались, была похожа на настоящее ведьмино логово. В полумраке, прорезаемом лучами света, пробивавшимися сквозь ставни и приоткрытую дверцу, вырисовывались мистические предметы. На деревянном столе лежали пучки сушёных трав, перевязанные грубыми нитками, и маленькие глиняные горшочки, запечатанные воском. Рядом стояли медная ступка, покрытая зеленоватой патиной, и оплывшие свечи. На верёвках, натянутых через весь чердак, висели связки перьев, костей и каких-то амулетов, сплетённых из верёвок и бусин. Вдоль стен тянулись стеллажи, заставленные банками с сушёными насекомыми, корешками и чем-то похожим на заспиртованные органы. На полке около окна стояли книги, а рядом с ними сидела маленькая кукла из ткани, с пришитыми пуговицами вместо глаз, от одного взгляда на которую по спине пробежали мурашки.

— Ну, только метлы не хватает, — попытался пошутить я. Мой голос эхом отразился от низкого потолка, и я тут же пожалел о своих словах, потому что взгляд невольно упал на угол, где, будто нарочно поджидая, стояла метла... Длинная, немного кривоватая рукоять, вырезанная из чёрного дерева, была покрыта замысловатыми узорами, которые поблёскивали в тусклом свете. Прутья, собранные в плотный пучок, были не из обычных веток, а из колючих толстых стеблей, переплетённых тонкими нитями, напоминающими паутину. К моему удивлению, метла была невероятно тяжёлой — стоило мне поднять её, как холодное, отполированное дерево приятно охладило ладонь.

— Охренеть! — воскликнул Михаил и, увидев этот лётный атрибут, стал отступать назад, пока не упёрся в рассохшийся старый сундук, стоявший у стены. — Пойдём-ка отсюда, Андрюха, подобру-поздорову! Не трогай тут ничего, а то подохнем невзначай!

За окном, заросшим плющом, хмурое небо затягивали тяжёлые грозовые тучи, и ветер гудел, стуча ветками в стекло, усиливая ощущение, что мы забрели туда, куда людям входить не стоило. Стало не по себе.

— Да это же сокровищница, Михаил Егорович! — рассмеялся я, пытаюсь отогнать шутками страх, и поставил метлу обратно в угол. — Сейчас я Сергею позвоню, пусть тоже придёт, посмотрит!

— Ну, здорово, — буркнул Михаил, бросая на меня сердитый взгляд. Он забавно скрестил руки на груди и прислонился к стене. — Все тут вместе и подохнем!

Ветер за окном взвыл сильнее, и ставни на ржавых петлях жалобно заскрипели, словно вторя словам Михаила о том, что лучше бы нам уйти. Но любопытство уже взяло верх, и я, не слушая предостережения внутреннего голоса, вытащил из кармана свой новый телефон, выбрал из списка номер друга и нажал на кнопку вызова.

К тому моменту, когда Серёга, заинтригованный нашей находкой, подходил к дому, Михаил уже спустился с чердака и теперь стоял у крыльца, энергично отряхивая свою куртку. Желания задерживаться в этом мрачном месте у него больше не было. Вместо того чтобы копаться в грудах хлама, он предпочёл пойти домой, ворча под нос о том, что куда разумнее было бы захватить Роса и отправиться на рыбалку, где можно спокойно посидеть у воды, вдыхая свежий воздух. Тяжело ступая по вытоптанной земле, он зашагал прочь, оставляя за собой лишь лёгкие облачка, поднятые его ботинками с пыльной тропы.

Ветер снаружи набирал силу, свистя в узких щелях деревянных стен, а небо, плотно затянутое грозowymi тучами, изредка озарялось слепящими вспышками молний. Следом рокотал гром, но дождя всё не было.

Я сидел на чердаке, окружённый густым полумраком, где свет едва проникал сквозь паутину и трещины в крыше, и с неутолимой любопытством листал книги, что стояли на ветхих, скрипящих полках. Это были древние фолианты в потрёпанных кожаных переплётках, от которых веяло неуловимым холодным дыханием забытых проклятий: кожа потрескалась, местами выцвела, и на ней темнели выдавленные непонятные символы. Страницы были заполнены замысловатыми рисунками: детальными анатомическими схемами человеческих тел, изображениями причудливых растений с искажёнными лицами, выражающими муки, и неведомыми знаками, от которых по спине пробегали колющие мурашки. Некоторые из них были написаны на странном языке; буквы извивались, напоминая скандинавские руны, и разобрать мне ничего не удавалось.

Одна из книг притягивала взгляд сильнее остальных. Она была огромной, очень тяжёлой, с обложкой, сшитой из грубых, неровных кусков кожи разного оттенка — от глубокого бурого, как высохшая земля, до почти чёрного, напоминающего бездонную ночь. Швы были выполнены толстыми чёрными нитками и лежали неровно, как будто их накладывали в спешке. В переплёт были вклеены пучки седых, жёстких волос, а местами торчали мелкие, пожелтевшие человеческие зубы. От книги исходило зловоние, но я не мог заставить себя вернуть её на место. Несмотря на отсутствие видимых замков или следов клея, открыть её у меня не получалось. Я тянул изо всех сил, но книга, словно живая, упорно сопротивлялась, охраняя свои мрачные тайны от посторонних. В итоге решив, что это может быть лишь ловкая обманка, муляж или хитроумный тайник, который без особого ключа не открыть, я с досадой положил её на лавку, на которой сидел, и вытер вспотевшие ладони о джинсы.

— Ну и пылища тут, конечно... — пробормотал Серёга, поднимаясь на чердак. Он тут же чихнул, потёр нос рукавом, чихнул ещё раз и принялся рыться на полках, разглядывая мутные стеклянные банки с высохшими травами, источающими горький аромат, и какими-то алхимическими снадобьями. Ветер снаружи взвыл особенно громко, и всё вокруг заходило ходуном, будто сам дом откликнулся на его зов, скрипя балками и пробуждаясь ото сна.

— Это чё такое?... — Серёга взял в руки одну из банок и стал её рассматривать. Внутри, в жёлтой жидкости плавал какой-то сгусток слизи. — Прикинь, это же язык! Ого... Видимо, кто-то лишнего взболтнул Елене Петровне! — Серёга громко рассмеялся, довольный своей шуткой, и поставил банку обратно.

Он ещё раз чихнул, выругался и вдруг заметил в углу старинный сундук, накрытый тряпками. Глаза его сразу загорелись, и он, забыв про банки, направился решительным шагом к этой интригующей находке.

— Как ты думаешь, тётка Михаила реально ведьмой была? — спросил я, наблюдая, как друг с увлечением роется в сундуке, вынимая оттуда резные деревянные коробочки, украшенные замысловатыми узорами и древними орнаментами. Некоторые из них, похоже, были надёжно заперты, и Серёга, чертыхаясь, пытался поддеть крышки кривой металлической

иглой, которую Михаил обнаружил на заваленном хламом столе. Игла была странной — тонкой, с лёгким изгибом, и больше походила на миниатюрный нож. От неё веяло той же гнетущей энергией, что и от книг.

— Да какой ведьмой-то?! Ты чё, головой ударился, что ли? — ответил Серёга, не отрываясь от своего занятия. Одна из шкатулок выскользнула из его рук и стукнулась о доски с глухим звуком. — Чё они запаянные, что ли, все? — горячился он, постукивая иглой по полу. — Я бы назвал её врачом нетрадиционной медицины... или как там это сейчас модно называется... эм... альтернативной терапии. Ну или что-то в этом роде.

— Что ты там так упорно ковыряешь-то? — спросил я, следя за тем, как он тряс шкатулку. Было слышно, что внутри, приглушённо побрякивая, перекачивались мелкие предметы.

— Во-от, слышишь? — сказал друг с азартом. — Полная, небось, всяких дорогих безделушек, драгоценных камушков или монет. Не думаю, что Егорыч их носить будет или на память оставит, ну а деньги на ремонт ему сейчас придутся как нельзя кстати.

— Я тоже не смог книгу открыть, — признался я, кивнув в сторону древнего фолианта, что лежал рядом со мной на лавке.

— Книгу? — Серёга удивлённо поднял брови и заулыбался, будто я сказал что-то смешное. — Ты не смог открыть... — Он улыбнулся шире, явно сдерживая смех. — Она на замке, что ли, или ты сегодня плохо позавтракал и сил не хватило?

— Да нет вроде, — улыбнулся я в ответ, пожав плечами.

— Покажи, — сказал Серёга, поднимаясь с пола. Он подошёл ко мне, плюхнулся рядом на лавку и взял книгу в руки. Его пальцы скользили по грубой шершавой коже, цеплялись за чёрные нитки, но обложка не поддавалась. — Да что за... — прошипел он сквозь зубы. — Сейчас я её... — Он снова схватил кривую иглу, крепко сжав её в кулаке. Игла, острая и изогнутая, блестела в тусклом свете, отбрасывая зловещие тени на его сосредоточенное лицо. Серёга начал поддевать обложку, вставляя кончик иглы в шов между кусками кожи. Он давил всё сильнее, бормоча под нос ругательства, как вдруг остриё соскользнуло и со всей силы вонзилось ему в ладонь.

На секунду время замерло. Мы оба, ошеломлённые, уставились на руку, из которой торчала игла, глубоко вошедшая в плоть. Тёмная, густая кровь начала проступать вокруг металла. Серёга побледнел, и губы его задрожали от шока и боли.

— Блин... — выдохнул он еле слышно и, стиснув зубы, рывком вытащил иглу. Кровь хлынула потоком, заливая его джинсы, книгу и капая на пол. Струйки стекали по пальцам, и, морщась от острой боли, он лихорадочно зажал рану, пытаясь остановить кровотечение. Я вскочил, чувствуя, как паника подкатывает к горлу, сжимая его ледяными тисками.

— Сейчас, погоди, погоди! — засуетился я, оглядываясь в поисках хоть какой-то тряпки, чтобы перевязать руку. Всё было покрыто толстым слоем пыли — мешки, обрывки ткани, ветхие занавески, опутанные паутиной. Ничего подходящего! Я уже собирался оторвать кусок от своей футболки, когда Серёга вдруг замер и прошептал:

— Стой, Андрюха, смотри...

Я перевёл взгляд туда, куда он показывал, и почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Кровь, что капала на книгу, не растекалась, а... впитывалась в обложку. Маленькие алые капли шипели, превращаясь в тонкие облачка красноватого пара, и исчезали в коже переплёта. Мне показалось, что я услышал тихий, но отчётливый щелчок, словно сработал механизм. Серёга, забыв о боли, раскрыл том.

— Ну ни хрена себе! — выдохнул друг. Перелистнув несколько потемневших от времени страниц, он отложил книгу в сторону и вернулся к сундуку. — Может, и с этим сработает... — пробормотал он, схватив одну из шкатулок. Сжимая раненую руку, он стал капать на крышку, размазывая пальцами алые пятна по резному дереву. — Ну давай, открывайся! Дава-а-ай! —

злился он. Дерево окрасилось мгновенно, впитывая каждую каплю, но чуда, как с книгой, не произошло, и хитрый ларец остался закрытым.

— Да оставь ты в покое этот хлам, — беспокоился я, подходя к нему. — Давай тебе рану перевяжем лучше.

— Не надо, всё хорошо, — отмахнулся он, показывая руку.

Кровь и вправду уже почти перестала течь, что было странно, потому что рана казалась глубокой, но затягивалась неестественно быстро.

— Это просто царапина, — продолжил Серёга. — Надоело мне тут, пойдём домой.

Бросив последний взгляд на сундук, он направился к двери.

— Пойдём, — согласился я.

Мне почему-то не хотелось оставлять книгу здесь, было любопытно, что же скрывалось за такой неприступностью. Поэтому, зажав её подмышкой, я стал аккуратно спускаться следом, замечая на деревянных перекладинах лестницы свежие пятна крови.

Холодный ветер подхватил нас и понёс по дорожке, всё настойчивее подталкивая вперёд, а раскаты становились громче, словно кто-то крушил небесный свод грозным молотом. Острая озоновая горечь защипала ноздри, и глухой треск сухих веток, сорванных порывом, слился с оглушающим рёвом леса.

Когда мы подбегали к дому, тучи, сгустившиеся до непроглядной черноты, словно разверзлись. Над деревней грянул гром — удар был такой силы, что воздух дрогнул, и сразу вслед за ним хлынул яростный ливень. Вода хлестала по крышам, выбивая глухой, дробный ритм. Улицу затопило в считанные мгновения, а лужи, вспыхивавшие в свете молний, напоминали разлитую ртуть.

Ослепляющие зигзаги рассекали небо каждые несколько секунд. Резкий белый свет на миг вырывал мир из темноты, заставляя его замирать в неестественно чётких, острых тенях. Затем накатывал грохот — оглушительный, разрывающий тишину на осколки. Деревья гнулись до скрипа, ветки и листья хлестали по заборам, а дождь барабанил по подоконникам, сливаясь в тревожную, хаотичную симфонию.

Мы бежали к крыльцу, промокшие насквозь, и казалось, что сам воздух дрожит от буйства стихии: каждый вздох был наполнен ледяными брызгами, каждый шаг — рыбистым плеском, словно мы передвигались по живой водяной скатерти. Когда мы, наконец, пересекли порог, грохнуло так, что дом задрожал и окна зазвенели с такой силой, что заболели уши.

Дома было тепло. Дедушка и Михаил сидели у камина, окружённые мягким сиянием пламени. Они о чём-то с жаром спорили, как всегда, не обращая внимания ни на нас, ни на бурю за окном. Рос, обычно такой бесстрашный и готовый носиться по двору за любым шорохом, сегодня был не похож на себя. Испуганный, с поджатым хвостом и дрожащими лапами, он встретил нас у порога, жалобно поскуливая. Его густая шерсть, обычно лоснящаяся, была взъерошена, а глаза, полные тревоги, блестели в полумраке, отражая свет камина. Едва мы сняли промокшую одежду, Рос юркнул под кухонный стол, словно это деревянное укрытие могло защитить его от гнева стихии. Каждая вспышка заставляла его вздрагивать, а шерсть на загривке вставала дыбом, выдавая его страх.

— Храбрец-то наш, под стол спрятался. Гроза, видать, ему не по нраву! — засмеялся дед.

Михаил, потягивая чай из своей большой кружки, тоже усмехнулся, бросив взгляд на тёмное окно, за которым небо снова озарилось вспышкой. А я, стряхивая капли дождя с волос, подошёл к столу и заглянул под него. Рос посмотрел на меня, будто прося защиты, и я невольно улыбнулся — такой большой пёс, а боится грозы, как маленький щенок, но я понимал его как никто другой.

— Не бойся, — сказал я, глядя ему в глаза, — это всего лишь гроза, уже скоро она закончится и снова выглянет солнце.

Но гроза не собиралась утихать всю ночь, и казалось, что каждый новый разряд молнии, прорезающий чернильную тьму небес, ищет себе жертву с той же настойчивостью, с какой та жуткая книга пила кровь.

Рассветная Пелена

Воскресное утро началось, как всегда, с ароматного кофе, чей горьковато-терпкий запах витал над верандой, смешиваясь с утренней свежестью. Многолетний клён, что рос у дома, задумчиво шелестел листьями, а солнце, только-только поднявшееся над горизонтом, золотило деревянные перила. Погода была мягкая, с лёгкой прохладой, обещающей тёплый день. Я, зевая, держал в руках горячую кружку и наблюдал за утренней суетой, будто за сценой из какого-то бразильского сериала, где все герои говорят громко, спорят и эмоционально размахивают руками.

Дед с Михаилом Егоровичем затеяли поход на рыбалку. Рос, услышав заветные слова «рыбалка» и «озеро», мгновенно оживился. Его угольная шерсть, слегка всклокоченная после сна, заблестела на солнце, а хвост закрутился с такой скоростью, что, казалось, сейчас оторвётся. Он радостно тявкал, подпрыгивал на месте, а потом принялся носиться кругами по веранде, едва не опрокинув маленький столик, на котором стояла банка с остатками вишнёвого компота. Он то и дело подбегал к деду, тыкался мокрым носом в его руки, словно подгоняя: «Ну же, собирайтесь быстрее!»

Дед с Михаилом Егоровичем тем временем увязли в спорах о снастях. Они стояли у раскрытого сарая, где на полках рядами выстроились удочки, катушки, коробки с крючками и приманками. Дед, в своей любимой клетчатой рубашке и кепке набекрень, тербил бороду и хмурился. Он держал в руках добротную бамбуковую удочку, словно жезл, и размахивал ей, доказывая свою правоту.

— Миш, я тебе говорю, на блесну сегодня надо! — заявил дед, потрясая блестящей металлической приманкой, которая сверкала на солнце, как маленькая рыбка. — Окунь на неё точно пойдёт, я ж знаю нашу рыбу-то, ну!

Михаил Егорович скептически хмыкнул, поправляя очки на носу. В руках у него была коробка с разноцветными поплавками и мотками лески.

— Да ну, блесна твои только шуку дразнить! — возразил он, копаясь в коробке. — Лучше на червя, надёжно. Или на кукурузу, я вчера банку как раз прикупил.

— Червя?! — дед аж крикнул от возмущения, ткнув пальцем в сторону озера. — Да там рыба на твоих червей только смеяться будет! Бери блесну, говорю, и не спорь!

Ещё минут десять они перебирали удочки, то и дело выхватывая друг у друга коробки с приманками, пока Рос, уставший ждать, не улёгся демонстративно у порога сарая, положил морду на лапы и стал нетерпеливо подвывать.

Мы с Серёгой сидели в удобных плетёных креслах и наблюдали за этим спектаклем. Друг, в своей неизменной мятой футболке, неспешно листал детектив с такими же измятыми, кое-где даже рванными страницами. Время от времени он откладывал его на колени, чтобы вставить пару слов в разговор или просто посмеяться над дедовыми колкими замечаниями. Я же, честно говоря, еле держал глаза открытыми. Выходной, а мы зачем-то встали в такую рань! Я уже мечтал, как все разойдутся, и я завалюсь обратно в кровать, укрывшись мягким одеялом с головой. Пока же я просто потягивал кофе и с улыбкой следил за перепалкой, которая становилась всё громче.

Наконец, компромисс был найден. Было решено взять две удочки: одну с блесной, как хотел дед, а вторую с поплавком и кукурузой, как предлагал Михаил. Дед, ворча, всё же согласился, что кукуруза может сгодиться для леща, а Михаил, в свою очередь, признал, что блесна не помешает, если решит показаться шука. Они собрали снасти в рыбацкий рюкзак, кинули туда пару катушек лески, коробку с крючками и банку с кукурузой. Дед ещё прихватил свой любимый складной стульчик, а Михаил — его походный термос с чаем.

Когда они наконец-то вышли из сарая, Рос уже не мог усидеть на месте и, схватив в зубы плетёную корзинку, в которую мы сложили перекус, побежал к калитке.

В корзинке, кстати, лежали три спелых красных яблока, пара ещё тёплых варёных яиц и несколько кусков пирога с картошкой. Испекли мы его вчера вечером, и вышло просто на славу. Корочка была хрустящей, румяной, а внутри пряталась нежная, сочная начинка из рассыпчатой картошки, сливочного масла и лука. Аромат стоял настолько восхитительный, что даже сейчас, с веранды, я улавливал его.

Рос, похоже, тоже высоко оценил это угощение. Я никогда раньше не видел, чтобы собака с таким аппетитом ела выпечку! Вчера, во время дегустации, пёс сидел у стола, преданно глядя на каждого, кто откусывал хоть кусочек. Стоило деду уронить крошку, как Рос тут же подхватывал её, причмокивая и облизываясь.

Наш пёс был всеядным: от огурцов до котлет — вообще всё, что появлялось на нашем столе, вызывало у него восторг. Вот и сейчас он нёс корзинку с таким видом, будто это его личный ланч-бокс.

Наконец собравшись, наши горе-рыбаки двинулись в сторону озера. Дед с решительным видом шагал впереди, слегка прихрамывая из-за того, что споткнулся в сарае о лопату. За ним шёл Михаил, неся рюкзак со снастями, и посмеивался над дедовой привычкой вечно ворчать по пустякам. Рос скакал рядом, то забегая вперёд, то возвращаясь, чтобы ткнуться носом в дедовы ноги и поторопить хозяев. Тропинка к озеру вилась через луг с высокой травой, за которой вся наша троица благополучно скрылась из виду.

— Рос себе покушать прихватил, а ворчунам, похоже, только чай и достанется! — подметил Серёга, глядя им вслед.

Я рассмеялся, представив, как Рос, усевшись у озера, примется за пирог, пока дед с Михаилом Егоровичем будут спорить, кто виноват, что рыба не клюёт. Я допил кофе и решил, что теперь, когда все разошлись, можно наконец-то пойти и завалиться спать.

Серёга ушёл копать в бане. Он ещё со вчерашнего вечера решил заняться подсохшими вениками и собрать их, чтобы они не пылились в предбаннике.

Я же устроился на веранде, на наших деревянных качелях, цепочка которых немного поскрипывала. Недавно мы купили для них новую, большую подушку — мягкую, обтянутую плотной тканью тёмно-зелёного цвета с красивым узором из листьев. Она была такой удобной, что качели теперь казались чуть ли не самым уютным местом во всём доме. Я залез на качели с ногами и укрылся лёгким, пушистым пледом. Он приятно пах лавандой — бабушка всегда добавляла в шкаф саше с травами. Откинувшись на спинку и чувствуя, как мягкая подушка буквально обнимает меня, я улёгся поудобнее и приготовился раствориться во сне. Глаза медленно закрылись, и мысли мои поплыли куда-то далеко. Я представлял себе бескрайнее поле, залитое розовым светом заката, где в воздухе парили невесомые мыльные пузыри, похожие на маленьких бегемотиков. Они переливались, как радужные шарики, медленно покачиваясь, словно в невесомости. Всё вокруг было таким красивым, нежным, почти сказочным — свет, мягкие очертания, лёгкое покачивание бегемотиков, будто они танцевали в тёплом летнем мареве.

Внезапно налетел резкий порыв ветра, холодный и злой. Он закружил моих розовых бегемотиков, и те, беспомощно кувыркаясь, понеслись прямо на тёмные, острые заросли терновника, которые выросли из ниоткуда. Один из бегемотиков, маленький и пухлый, с огромными испуганными глазками, закричал тоненьким голоском: «Помогите!» Он приближался к зарослям, и вот уже острый шип коснулся его блестящей кожи. Раздался громкий хлопок — бегемотик лопнул, оставив после себя лишь облачко розового тумана. Второй бегемотик, ещё более отчаянно крича «Помогите!», тоже понёсся к колючкам. Он задрожал, и, наткнувшись на шип, тоже лопнул с таким же звуком.

Я резко открыл глаза. Розовые бегемотики исчезли, растворились, как дым, но крик «Помогите!» всё ещё звенел в ушах. Сначала я подумал, что это остатки сна, но звук повторился: «Помогите!» — слабый, далёкий, жалобный, словно обрывок ветра.

Я вскочил с качелей, плед соскользнул на пол, но я, не обращая на это внимания, быстрым шагом направился к бане. Дверь жалобно скрипнула в унисон крику о помощи. Серёга осторожно снимал связки с бечёвки, на которую мы с дедом, кажется, только недавно их подвешивали. Он стряхивал мелкие сухие листочки, с шорохом осыпавшиеся на дощатый пол, и бережно укладывал веники в холщовые мешочки, сшитые бабушкой. Дед объяснил мне тогда, что изготавливаются они из такой ткани потому, что льняные волокна не подвержены воздействию плесени и ещё по куче очень важных причин. В общем, они были специально предназначены для хранения веников и даже имели небольшие завязочки, чтобы раскрошенный случайно лист не сыпался. Серёга старался не поломать хрупкие веточки, которые всё равно предательски потрескивали в его руках, будто жалуясь на неосторожное обращение.

— Пойдём со мной, послушаешь, — обратился я к другу. — Может, у меня с головой беда.

Серёга, прищурившись, посмотрел на меня.

— Так у тебя давно с головой беда, — заржал друг, кладя мешочек на стол и вытирая руки о джинсы. — Долго же до тебя доходило.

Я не стал реагировать на его колкость и только махнул рукой, чтобы он шёл за мной. Небо затягивали серые тучи, и ветер, тот самый, что разогнал моих воображаемых бегемотиков, теперь трепал ветки яблонь, росших в саду у забора. Примерно на середине двора я остановился и сказал:

— Слушай!

Мы замерли, вслушиваясь в окружающие нас звуки. Шум ветра... где-то вдалеке залаяла собака... кто-то из соседей колот дрова... и тут снова раздался тот же жалобный зов: «Помогите...» — слабый, но отчётливый, будто кто-то звал издалека, из самой глубины леса.

— Вот, слышал? — я схватил Серёгу за руку, чувствуя, как пальцы холодеют от волнения.

Друг нахмурился и покачал головой:

— Нет, — сказал он, глядя на меня с лёгким беспокойством. — А что я должен услышать?

— Кто-то на помощь зовёт, — ответил я и, не теряя времени, быстрым шагом направился к калитке.

— Куда? — Серёга рванул за мной, догоняя в два шага. — Я с тобой!

Мы бежали по мокрой от росы траве, к тропинке, которая вела к развилке. Ветер усиливался, и тучи над головой становились всё темнее, угрожая скорым дождём. Пытаясь уловить направление звука, я поймал себя на мысли, что дышу слишком громко и ничего из-за этого не слышу. Серёга шёл за мной молча, не отставая и не задавая глупых вопросов. Он был настоящим другом — несмотря на свои вечные шуточки, в серьёзных делах он всегда был рядом, готовый поддержать в любой мелочи. Его насмешливый тон и привычка подтрунивать надо мной были лишь маской, за которой скрывался человек, на которого я всегда мог положиться.

Наконец, дойдя до развилки, я постарался выровнять дыхание и прислушался. Ещё секунду назад выл ветер, и лес был наполнен звуками, а тут на перепутье вдруг наступила оглушающая тишина. Ни крика птиц, ни шороха — лес словно замер в ожидании грозы. Прошла пара минут, и Серёга, оглядываясь по сторонам, спросил:

— Ничего?

— Ничего, — мотнул я головой.

Он задумчиво посмотрел в сторону леса, а потом предложил:

— Давай сами позовём? Может, человек просто устал уже орать, или...

— Или, может, уже поздно, — мрачно продолжил я за него.

— Да ну тебя, чё ты нагнетаешь-то?! — отмахнулся Серёга. — Ничего не поздно! — И, набрав воздуха в лёгкие, он закричал, что было мочи: — Э-э-эй, мы тебя слышим, где-е-е ты?!

Я замер, напрягая слух. И вот, где-то в чаще леса, слева от нас, раздался слабый крик: «Я здесь...»

— Я слышу! — я снова вцепился в руку друга, чувствуя, как адреналин бьёт в виски.

— Я тоже, — ответил он серьёзно. — Там, в стороне старого колодца.

— Погнали! — крикнул я и рванулся в сторону тропинки, которая вела к заброшенному колодцу. Но Серёга резко дёрнул меня за рукав.

— Стой, — произнёс он с тревогой в голосе. — Ты же знаешь, что там?

— Ну да, колодец, — я убрал его руку и двинулся дальше. — Заброшенный, вода в нём гнилая, и никто туда давно не ходит.

— А почему она гнилая стала, тоже знаешь? — спросил Серёга, догоняя меня. — Да блин, остановись ты! Может, это Лик нас зовёт, а мы, дураки, идём туда.

— Что за Лик ещё? — спросил я, но шаг не замедлил. — Кто-то в беду просто попал и зовёт нас!

— А может, и нет, — не унимался он. — И мы так там заблудимся, что назад не вернёмся.

— Ты что, дедовых баек наслушался, что ли? — подколот я друга, вспоминая, как он сам недавно смеялся надо мной.

— Да тут другое совсем, Андрюха, — серьёзно сказал Серёга. — Да стой ты! Ну сам подумай, колодец не так далеко, а мы идём уже чёрт знает сколько.

— Да недолго мы идём, — отмахнулся я.

— Блин, я телефон не взял, — сокрушался Серёга, шагая рядом. — Скажи, что хоть у тебя с собой, — и он вопросительно посмотрел на меня.

Я мотнул головой — мой телефон остался лежать на кухонном столе, рядом с кружкой выпитого кофе. Серёга только вздохнул, но ничего не сказал.

— Я тут! — голос раздался уже гораздо ближе.

Тропка становилась всё уже, деревья редели, и вскоре мы вышли на небольшой пригорок, посреди которого стоял колодец. Выглядел он, скажем так, не особо сказочно. Покосившаяся чёрная крыша покрылась мхом и лишайником, камни самого колодца местами осыпались и валялись рядом с кучей какого-то сгнившего хлама, а цепь, к которой должно было крепиться ведро, была ржавая и грязная. Даже в самый жаркий день напиться из такого колодца я бы не захотел. Необычно было то, что к колодцу была протоптана уверенная дорожка. Но я знал, что никто в эту сторону давно не ходит. Да и зачем, ведь только один запах, который источала каждая травинка в этом месте, должен был отпугивать всё живое, что сюда забредало.

— Где ты? — позвал я ещё раз, подходя ближе к колодцу.

— Тут, — донёсся голос прямо из глубины.

— Андрей, не ходи, — прошептал Серёга.

— Где тут? — громко спросил я и подошёл к самому краю.

— Да внутри я.

— Где внутри? Внутри колодца? — переспросил я, наклоняясь над тёмным провалом.

— Да, я упал... случайно...

— Кто ты? — спросил я, заглядывая вниз. В темноте, еле различимый, вцепившись в цепь руками и упираясь ногами в ведро, висел парнишка.

— Макар, — ответил он, поднимая голову. — Макар Архипов.

Это был тот самый пастушок, которого мы встретили тогда на пастбище. Его лицо было бледным, волосы растрёпаны, а одежда мокрой и грязной.

— Сейчас, погоди, мы вытащим тебя! — крикнул я и повернулся к Серёге. Мы подскочили к вороту и, крепко ухватившись, начали наматывать цепь. Она скрипела, звенья цеплялись друг за друга, а ржавые куски металла осыпались на землю, оставляя рыжие пятна на

траве. Пот стекал по вискам, руки дрожали, и с каждым оборотом становилось всё тяжелее, но мы не сдавались.

— Ещё немного! — крикнул Макар снизу. — Я уже почти до края дотянулся!

— Держись там! — рявкнул Серёга, дрожащим от напряжения голосом. — Сейчас вытащим тебя, главное, держись крепко!

Мы сделали последний рывок, и парнишка, ухватившись за край колодца, выбрался наружу и, тяжело дыша, буквально рухнул на землю. Мы с Серёгой тоже повалились рядом. Несколько минут мы просто сидели на холодной траве, молча глядя в никуда. Рубашка противно прилипла к телу, а сердце колотилось, как после бега. Отдышавшись, Серёга повернулся к Макару и спросил:

— Как же так получилось, Макар Борисович, что вы на ведёрке в заброшенном колодце болтались?

Макар устало улыбнулся; его лицо всё ещё было бледным, но в глазах появился живой огонёк.

— Погода нынче жаркая, Сергей Аркадьевич, вот я и решил освежиться, — шутливо ответил он.

— А серьёзно если? — спросил я, глядя на него.

— Серьёзно если, — Макар вздохнул, — то я за Флинтот погнался.

— Это пёс твой? — уточнил Серёга, приподнимаясь на локтях.

— Да, — кивнул Макар. — Он что-то услышал в лесу и рванул по тропе. А когда свернул, я больше его не видел. Шёл по тропинке, звал его и он, вроде, отвечал мне — я слышал его лай, но всё дальше и дальше. Шёл, пока не наткнулся на этот колодец. Мне казалось, что он прямо оттуда и лает. Я подумал, что, может, он провалился, и полез посмотреть, а когда нагнулся, чтобы разглядеть хоть что-то, не удержался и упал. Хорошо, что успел за цепочку схватиться...

— Давайте двигать отсюда, — сказал Сергей, хмуро оглядывая окрестности. — Мне тут очень не нравится.

Я помог Макару подняться, и мы втроём двинулись в обратную сторону, прочь от злополучного колодца.

Шли мы долго, и лес казался бесконечным: сосны тянулись к небу, их кроны переплетались, создавая густую тень, воздух был влажный, с терпким запахом мха и смолы. Пейзаж повторялся с утомительным однообразием: те же кривые сосны, те же заросли папоротника, тот же замшелый пенёк, который, клянусь, я видел уже раза четыре. Мы как будто ходили кругами, и это начинало действовать на нервы. Казалось, лес играет с нами, запутывает и не хочет выпускать.

— Так, стоп! — внезапно сказал Серёга, резко останавливаясь.

Он развернулся спиной к тропинке и, не глядя под ноги, стал медленно двигаться назад, осторожно переступая через корни.

— Ты чего? — уставился я на него.

— Давайте так, — Серёга обернулся через плечо. — Говорю вам, поворачивайтесь и идите за мной!

Мы с Макаром переглянулись. Мальчишка растерянно пожал плечами, но послушно последовал за Серёгой. Я тоже не понимал, что задумал друг, но его тон не терпел возражений, поэтому, повернувшись спиной к тропинке и чувствуя себя полным идиотом, я начал двигаться за ними.

Идти задом было чертовски неудобно. Каждый шаг требовал напряжения: ноги путались в высокой траве, а непонятно откуда взявшиеся корни, всюду торчащие из земли, словно нарочно цеплялись за ботинки. Я то и дело спотыкался, пытаюсь удержать равновесие, а Макар, шедший рядом, пару раз чуть не упал, хватаясь за мою руку.

К моему удивлению, минут через десять тропа внезапно расширилась, корни исчезли, и мы вышли на знакомую развилку. Слева, в просвете между деревьями, виднелись знакомые крыши домов, а справа тропа уходила к озеру, где наши рыбаки ловили рыбу. Я оглянулся. Лес позади казался таким же, как и раньше, но теперь он не внушал того странного чувства бесконечности.

— Как так получилось-то? — спросил я Серёгу, потирая исцарапанные руки.

Он стоял, задумчиво глядя на тропу, по которой мы пришли. Его лицо было серьёзным, почти суровым, словно он решал, говорить мне правду или нет.

— Потом расскажу, — коротко ответил он.

Макар всю дорогу молчал, но когда мы подошли к его дому, он посмотрел на нас умоляюще и попросил:

— Можете бате с матей не говорить, где вы меня нашли? Да и деду с бабушкой знать не нужно. А то мне попадёт.

Я улыбнулся и легонько потрепал его по растрёпанным волосам, отчего он смущённо отшатнулся.

— Конечно, не расскажем, — начал я, но Серёга тут же перебил:

— Расскажем! — он толкнул меня плечом и рассмеялся. — Всё, я уже бегу рассказывать!

С этими словами он рванул к калитке. Макар, не ожидавший такого наглого предательства, засмеялся и бросился за ним. Я покачал головой, глядя, как они несутся наперегонки, и пошёл следом.

— Добрый день, тётя Маш! — крикнул Серёга, подходя к палисаднику. Там мама Макара, в цветастом платке и с корзинкой в руках, собирала китайскую вишню.

— Серёжа, привет-привет! — она выпрямилась, вытирая руки о фартук, и, увидев Макара, оглядела его с ног до головы. — Ох, а ты что такой чумазый-то? И мокрый весь, что случилось? — в её голосе послышалась тревога, а глаза забежали по сыну, выискивая ссадины или чего похуже.

— Да мы до озера ходили, — бодро соврал я, — там дед с Михаилом рыбачат сегодня. Рос прыгнул и Макара случайно в воду столкнул. Отмоется, ничего страшного.

Тётя Маша выдохнула, прижимая руку к груди, и улыбнулась.

— Ну хорошо тогда, — сказала она уже более спокойным тоном. — Макарушка, беги в баню, а вещи в стирку всё сложи.

Макар бросил на меня полный признательности взгляд и, развернувшись, поспешил в дом, оставляя грязные следы на полу веранды.

— Ой, а вы-то что стоите? Проходите, проходите, сейчас чаю организуем, — засуетилась тётя Маша.

— Спасибо, в следующий раз, мы вот только дома напились, — сказал Серёга, картинно похлопывая себя по животу, — мы тоже пойдём, дяде Боре привет!

— Спасибо, что Макарушку до дома проводили! — крикнула нам вслед тётя Маша.

Когда дом Архиповых скрылся за поворотом, я решил, что пора всё прояснить:

— Что это было там, на тропинке у колодца? И что вообще за панику ты развёл с этим Ликом? Кто это вообще?

Серёга замедлил шаг, прислонился к стволу шершавой сосны и почти мрачным голосом заговорил:

— Да это всё дед твой, понарасказывал тогда всякого про деревню нашу и про места, где лучше не шататься после заката. Вот одна история мне и запомнилась — про колодец этот, что у края леса стоит.

Прислонившись к сосне с другого её бока, я слушал внимательно, стараясь не пропустить ни слова.

— Степаныч говорил, в том колодце живёт некая сущность. Не просто отзвук или эхо, а что-то тёмное, с разумом. Оно умеет говорить любым голосом и может принять облик любого твоего близкого. Зовёт негромко, жалобно: «Помоги, помоги!» И ты идёшь, не думая, потому что зов родной и знакомый.

Он замолчал, глядя на меня, словно проверяя, верю ли я.

— Пряма как мы сегодня, — продолжил друг. — И он не просто ходит в облики другого, а заменяет его, пакостит, врёт соседям, поджигает сараи, шепчет гадости, чтобы друзья грызлись, как псы. Его это питает, оно смакует каждую беду, что сеет. Дальше я не особо уже помню.

А про задом наперёд... это я уже от деда Семёна бредни слушал, он как-то в разговоре с Михаилом упомянул, что если лес держит и не выпускает тебя по какой-то причине, то нужно всего лишь повернуться и делать вид, что ты собрался не выходить, а заходить. Тогда он путь тебе не путает, а терпеливо ждёт, что ты придёшь.

— Какие могут быть причины, чтоб не выпускать нас? — изумился я.

— Ну а я знаю? Может, это не нас выпускать не хотели, а то, что с нами вышло.

С минуту я смотрел на него, пытаюсь осмыслить услышанное. Наконец я не выдержал и заржал во весь голос.

— Тётка Михаила, значит, всего лишь врач нетрадиционной медицины, а вот Лик — оно, да, личность крадёт?

Серёга тоже засмеялся и шутливо толкнул меня.

— Да иди ты! — сказал он. — Я серьёзно так-то.

— Ладно, ладно, — продолжал я хохотать.

— Слушай, а куда в итоге делся пёс? — спросил Серёга, и веселье с меня как рукой сняло. Я задумался. В рассказе мальчишки действительно было что-то странное, что-то нескладное.

— Не знаю, но хорошо, что мы вовремя к нему успели, — подытожил я, стараясь отогнать неприятные мысли.

— Как ты вообще услышал его на таком расстоянии?

— Сам не знаю.

Решив всё же проверить, как там наши рыбаки, мы свернули на дорожку, ведущую к озеру, но едва мы сделали несколько шагов, как вдруг со стороны поля донёсся звонкий собачий лай. Из дальних зарослей, весело размахивая лохматым хвостиком, на просёлочную дорогу выбежал Флинт, а за ним, неспешно шагая, шёл... Макар...

Это был он — тот же Макар, которого мы вытащили, но в чистой одежде. Джинсы сухие, без единого пятна, лицо и руки без ссадин, хотя волосы были точно так же растрёпаны. Он выглядел так, будто только что вышел из дома, а не бродил по лесу и не падал в грязный колодец.

Мы уставились на него, не в силах пошевелиться. Парнишка заметил нас, на ходу помахал рукой и направился в сторону деревни. Флинт носился вокруг, заливисто лаял и гонялся за бабочками, что кружились над дорогой.

Секунду мы стояли, оцепенев, глядя, как Макар уходит всё дальше. А потом, словно по команде, сорвались с места и побежали за ним, не разбирая дороги.

Тёмное Наваждение

— Тихо ты, не высовывайся! — шикнул Серёга на Макара и резко дёрнул его за футболку, заставляя пригнуться, чтобы его не заметили из окон дома. Парнишка, слегка ошарашенный, послушно склонился, и мы все, затаив дыхание, спрятались за огромной поленицей у сарая Архиповых. Где-то вдалеке каркнула ворона, и этот звук, словно тревожный сигнал, заставил нас ещё плотнее прижаться к шершавым брёвнам.

Макар, выслушав наш сбивчивый рассказ, сначала долго смеялся и не поверил ни одному нашему слову. Он твердил, что мы его просто разыгрываем или снимаем какой-то идиотский видос, чтобы потом выложить в сеть. Но теперь, когда перед его глазами было существо, удивительно похожее на него самого, — сидящее за кухонным столом, пока мама заботливо раскладывала на тарелке вареники и кормила его, а оно, неловко орудуя ложкой, уплетало их за обе щеки, — Макар уже не думал, что всё это чья-то шутка. Его лицо побледнело, брови сошлись в немом недоумении, а руки невольно напряглись, пока он всматривался в окно кухни, залитое тёплым светом лампы.

— И что это за хрень? — спросил он, повернувшись к нам с широко раскрытыми глазами. — Кто это вообще такой? И почему мы прячемся? Пойдёмте маме всё расскажем, а его отлупим, и делов-то!

— Ага, ты-то нам сразу так и поверил, да? — саркастично бросил Серёга, сидевший на корточках и внимательно следивший за окном. — Если б ты своими глазами не увидел, то до сих пор бы ржал. Да и что ты скажешь? «Мам, там типа я, но не я?»

— Я тоже считаю, что тётю Машу пугать не стоит, надо самим разобраться, что это, — произнёс я как можно спокойнее.

Макар, всё ещё кипя от возмущения, мотнул головой:

— Да что значит «что это»? Это просто какой-то пацан, похожий на меня, вот и всё! А вы просто сериалов насмотрелись про всякое сверхъестественное! — Он резко выпрямился, словно решив, что его терпению пришёл конец, с решительным видом шагнул из-за поленицы и направился к дому.

— Куда-а-а? — зашипел Серёга, бросившись за ним. Он схватил Макара за рукав и с силой потянул обратно. — Стой, давай просто понаблюдаем! Посмотрим, что он будет делать, а если выйдет во двор один, то мы его схватим, хорошо?

Макар на секунду замешкался, замерев посреди двора. Его взгляд метнулся к дому, где через окно всё ещё виднелась фигура двойника, затем он вздохнул и, неохотно кивая, вернулся в наше укрытие. Мы снова притаились, глядя в окна, но на кухне уже никого не было. В этот момент входная дверь дома с протяжным скрипом распахнулась, и на крыльцо вышли тётя Маша и... другой Макар. Он шёл рядом с ней, небрежно засунув руки в карманы.

— Нет, ну вы гляньте! Это говно ещё и футболку мою любимую натянуло! — вспыхнул наш Макар. Он сжал кулаки и вновь рванулся вперёд, готовый броситься на самозванца.

— Стой, стой! — я схватил его за плечо, удерживая на месте. Мой голос невольно сорвался на шёпот. — Посмотри, он не просто на тебя похож. Это как будто... ты и есть.

Макар замер, его взгляд впился в фигуру, идущую через двор. Самозванец двигался в точности как он сам: та же лёгкая сутулость, тот же пружинистый шаг, тот же жест, когда он поправил волосы, упавшие на лоб. Даже улыбка, которой он ответил на что-то, сказанное тётей Машей, была до жути знакомой.

— Как такое вообще возможно? — протянул Макар, медленно поворачиваясь к нам; его глаза были полны замешательства. — Я чё сплю? Или это просто чья-то шутка?

— Ага, шутка, — буркнул Серёга, посмотрев на меня с укоризной. — А я предупреждал! Я развёл руками, чувствуя, как щёки мои начинают гореть огнём.

— Да откуда я мог знать-то, ё-моё? — начал я оправдываться, ощущая себя виноватым. — Я думал, реально человек в беду попал!

— Ладно, всё, — оборвал нашу перепалку Макар, решительно махнув рукой и переводя взгляд на уходящую пару, — что нам делать-то теперь? Куда мама с ним потащилась вообще?

Серёга, вылезая из-за поленьев и отряхивая штаны от прилипших щепок, прищурился, следя за их удаляющимися силуэтами.

— Судя по направлению, в магазин к Еремеевым, — сказал он. — Надо идти к деду. Если он знает про это... нечто, значит, знает и как от него избавиться.

Макар поджал губы, и лицо его запылало от злости.

— Пока мы тут разгуливаем, это... будет с мамой по магазинам шастать, вареники жрать и моей жизнью жить?! — Он почти кричал, но вспомнив, что нас могут услышать, быстро успокоился.

— Надо сперва всё выяснить, чтоб не навредить никому из родных, мало ли что оно может натворить, если мы его так резко раскроем, — сказал Серёга. — Пойдёмте, заберём Флинта и сходим к нашим на озеро.

Вмиг я уловил принесённый ветром запах того дьявольского колodца, и мне стало не по себе. Стараясь держаться в тени деревьев, мы двинулись в сторону озера, и на развилке встретили наших рыбаков, возвращающихся домой.

Первым с небрежно переброшенными через плечо удочками шёл дед. За ним шагал Михаил Егорович, держа в руках ящики для снастей и рыболовный короб, который позвякивал при каждом шаге. Замыкал всю эту процессию Рос, который важно нёс в зубах свою корзиночку.

Увидев нас, он побежал навстречу и с энтузиазмом обнюхал каждого, но больше всего его внимание привлекал Макар: пёс жался к нему, нюхал ноги и руки, всячески показывая, что рад нашему новому другу. Я взял у него пустую корзиночку и потрепал по загривку, где шерсть была особенно густой и мягкой.

— А мы думали, вы ещё дрыхнете! О, и Макар с вами! — весело сказал дед, подходя ближе. — Рыбы мы наловили — целую тонну! На кукурузу, представляете? — И он хитро подмигнул Михаилу, который шёл чуть позади.

— Да это всё блёсны твои, — отозвался тот, широко улыбаясь.

— Макар, а ты чего не дома-то? Обед же скоро, тебя Мария не потеряет? — спросил дед посмотрев на Макара.

— Да я у вас пообедаю, — отозвался Макар, — мама... в магазин ушла.

Обменявшись быстрыми взглядами и стараясь не выдать волнения, мы потопали к дому. Впереди шёл дед, напевая что-то под нос, за ним следом Михаил, а мы с Макаром и Серёгой плелись сзади. Рос весело бежал впереди и теперь тащил в зубах ящик с уловом, который он подхватил у Михаила вместо корзиночки. Дойдя до крыльца нашего дома, Рос аккуратно поставил его на широкую ступеньку.

Дед подошёл к ящику и с лёгким кряхтением откинул крышку. Выхватив глазами самого крупного окуня, чешуя которого отливала серебром, он ткнул в него пальцем:

— Вон того толстопуза я поймал, — сказал он с гордостью, довольно прищурившись.

— А я вон ту шучку длинную! Еле вытянул! — произнёс Михаил Егорович и указал на длинную рыбу с острыми зубами, лежавшую поверх остальных. — Тянул её, думал, леска порвётся, а она всё билась, как зверь!

— А запах-то какой! М-м-м... — протянул Серёга с ноткой сарказма и, поддев крышку, ловко закрыл ящик.

— Флинт, ты где? — звонким голосом позвал своего пса Макар. — Флинт, мы вернулись!

Из-за нашего сарая, крытого дранкой, с радостным лаем выбежал маленький пёсик. Флинт мчался к своему хозяину, будто они не виделись целую вечность. Он бросился к Макару,

подпрыгнул, положив передние лапы ему на колени, и принялся лизать его руки. Макар, смеясь, присел на корточки и обнял пса.

Рос и Флинт уже были старыми приятелями. При встречах они обменивались собачьими «лапопожатиями» — лёгкими толчками носов и игривым покусыванием ушей. Иногда по вечерам они вместе носились по полям, гоняя сверчков, чьи трели наполняли тёплый воздух, или пугали лягушек у пруда, оставляя за собой весёлый хаос. Вот и сейчас, увидев друг друга, псы замерли на мгновение, а затем принялись резво беситься и бросились вдогонку друг за другом. За оградой мелькнула яркая стрекоза, её крылья сверкнули изумрудным блеском в солнечных лучах, и четвероногие друзья, заливисто лая, помчались за ней через соседний луг, поросший высокой травой и усыпанный жёлтыми цветами одуванчиков. Их тёмные силуэты виднелись среди зелени, а лай эхом разносился над полем, пока они не скрылись за небольшим холмом.

Дед, всё ещё стоя у ящика с рыбой, удивлённо уставился на собак, которые уже исчезли вдали, и, повернувшись к Макару, спросил:

— А что вы лохматого-то с собой не взяли? Зачем его дома оставляли?

— Так надо было, — ответил я, взглянув на Макара, который всё ещё смотрел в сторону луга. — Сейчас мы всё расскажем. — Развернувшись, я направился в дом, бросив через плечо: — Давайте на стол накрывать, а то есть очень хочется.

Пока дед с Михаилом раскладывали по местам рыболовные снасти в сарае и выстраивали аккуратно в ряд удочки, катушки, крючки и разноцветные поплавки, мы занялись подготовкой обеда.

Примерно через полчаса стол на веранде преобразился, и аппетитные ароматы наполнили воздух.

В центре стояла миска с салатом из свежих овощей, приправленных зелёным луком и укропом. Рядом — тарелка с горой домашних сосисок из рубленого мяса, от которых поднимался лёгкий пар, и миска с дымящейся картошкой в мундире. Хлеб, нарезанный толстыми ломтями, лежал в плетёной корзинке, а рядом красовались банки с грибами и кувшин с холодным квасом.

Пока мы уплетали сосиски и хрустели салатом, я рассказал, что произошло. Дед слушал спокойно, его лицо оставалось невозмутимым, словно такие истории были для него привычным делом. Михаил же, ещё не привыкший к подобным странностям, сидел с широко раскрытыми глазами, то и дело задавая те же вопросы, что и Макар в начале, но ответов у нас не было.

— Его нужно как-то к колодцу назад заманить и оставить там, — сказал дед задумчиво. — Само оно не уйдёт.

Я удивлённо посмотрел на него:

— Ты уже с таким сталкивался?

Дед кивнул, отложил ложку и начал рассказывать:

— Да, несколько лет назад, по осени, с Семёном такое приключилось. Брат его двоюродный, Евгений, в гости приезжал. Погостил немного, да домой собрался и вроде уехал, а позже Семён на озеро ходил и так же, как и вы, услышал, что эта сволочь его из колодца зовёт. Лик наплёл ему, что перед отъездом он, якобы, решил прогуляться и угодил в колодец. Семён тогда долго мне не верил, пока брат из города не позвонил ему и не сказал, что добрался хорошо.

Я подался вперёд:

— Погоди, так дед Семён тоже в курсе всех этих странных дел?

— В курсе, конечно, — спокойно ответил дед. — В деревне всегда происходило... странное. В этом я на Семёна, как на себя могу положиться.

— А как вы избавились от... — начал Серёга.

— От Лика, — продолжил за него дед. — Он тогда пакостей много натворил, пока мы придумывали, как обманом заманить его назад к колодцу. Кур у соседей потравил, все поляны у Семёна сжёг, чуть беды страшной не случилось. Хорошо хоть вовремя потушить успели.

Табак его погубил, да много всего противного успел... тьфу! Надо его ликвидировать по-быстрому, пока он тут нам не устроил всякого.

Он встал из-за стола, поправил ремень и окинул нас взглядом.

— А как вы его выманили-то? — спросил Макар, глядя на деда с любопытством.

— Слабость у них есть к вещичкам всяким красивым, к талисманам, побрякушкам в общем. Вот и у Лика, который Евгения подменил, тоже такая имела. Больно ему приглянулась подвеска с хрусталём, которую Семён для Шуры ещё в молодости сам сделал.

Хрусталь этот Семён нашёл в земле, когда копал огород за домом. Камень, прозрачный, как застывшая вода, лежал в глинистой почве, переливаясь на солнце, будто звезда, упавшая с неба. Такие кристаллы, как рассказывал Семён, иногда находят в наших краях — они растут в земле, словно волшебные корни, собирая в себе свет и чистоту. Этот хрусталь был особенным: гладкий, с мягкими гранями, он сиял даже в тени, и Семён, увидев его, сразу решил сделать из него подарок для своей жены.

— Ну вот, — продолжал, немного помолчав, дед, — Семён как-то в разговоре с Ликом специально сболтнул, что это, мол, безделушка, а он знает место, где таких камушков целая куча да и покраще найти можно. Лик тогда загорелся сразу, показать попросил. Мы и пошли другой дорогой к колодцу, не со стороны озера, а через лес напрямую. Вечером специально, чтоб чертище это ничего не заподозрило. Глупый он всё-таки, как ребёнок маленький, и обмануть его легко оказалось. В общем, там мы его в колодец и скинули обратно...

Дед замолчал, и на веранде воцарилась тишина. Все сидели, переваривая эту историю, и слушали, как где-то вдали лаяли наши псы, всё ещё гоняясь за своей стрекозой.

— Давайте баню затопим, — предложил Михаил Егорович, отодвигая тарелку и вытирая руки салфеткой.

— Да, давайте, — согласился дед, — мы рыбий дух смоем, а заодно, может, и мысли придут в порядок.

— Деду Семёну надо всё рассказать, — предложил я. — Раз он в курсе, то тоже может помочь.

Серёга, до этого задумчиво ковырявший вилкой остатки салата, оживился:

— Давайте сгоняю к нему, пока вы тут с баней возитесь, — сказал он и, встав из-за стола, мигом унёсся за калитку.

Макар растерянно посмотрел на меня:

— А я?

— А что ты? — улыбнулся я, глядя на парнишку. — Ты с нами пока поживёшь.

И я ласково потрепал его по макушке.

— Всё хорошо будет, — постарался подбодрить я его, и Макар слабо улыбнулся в ответ.

Он держался молодцом, но было видно, что он расстроен, скучает по маме и всё ещё пытается осмыслить случившееся.

Дед с Михаилом кололи дрова за домом, и ритмичный стук топора эхом разносился по двору, сливаясь с гудением ветра. Мы убрали со стола, сполоснули посуду и направились к бане, что стояла у самого края участка, окружённая густыми зарослями малины. Спелые ягоды алели на кустах, словно маленькие фонарики, покачиваясь в свете угасающего солнца. Из трубы уже поднимался лёгкий дымок, и запах горящих дров смешивался с ароматом трав, пропитанных вечерней росой. Внутри печи потрескивали поленья, и жар от раскалённых камней уже начинал обволакивать стены. Мы с Макаром замочили берёзовые веники в большом эмалированном тазу. Вода пузырилась, впитывая аромат листьев, и веники, будто оживая, источали терпкий, лесной дух.

Пришедший в скором времени дед Семён, как всегда, шутил, что баня — это «святилище», где растворяются все заботы, а голова становится ясной. Пар обнимал, словно мягкое одеяло, а волшебные запахи уносили прочь все тревожные мысли хотя бы на время. Мы пере-

брасывались историями, смеялись, Михаил подавал жару, а за стенами бани мир затихал, растворяясь в сумерках.

Далёкий Отзвук

Под ногами у меня был лишь крошечный, поросший густым и скользким мхом островок земли, казавшийся жалким клочком суши посреди бесконечного болота. Это место дышало кошмаром: топкая трясина простиралась во все стороны, как живое, голодное чудовище, покрытое слоем гнилой воды, где пузырились ядовитые газы. Они лопались с отвратительным чмоканием и выпускали удушливые испарения. Вода то и дело вздувалась, словно под ней копошились невидимые твари. Воздух был тяжёлым, пропитанным влагой, и каждый вдох приносил ощущение, будто глотаешь комок слизи. Болото шептало угрозы; его поверхность усеивали гниющие стебли, торчащие, как сломанные кости, а в отдалении слышался зловещий плеск, намекавший на скрытые глубины, где могло затаиться нечто древнее и злобное.

Болото... Как я вообще здесь опять оказался?!

Стоя босиком на этой сырой, пронизанной холодом почве, которая цепко хватала за ступни, не отпуская, я не знал, куда податься: кругом стелился густой, молочно-белый туман, словно саван, окутывающий всё в сумраке, а сквозь редкие просветы в ветвях деревьев едва проступал тусклый, серый свет, делая мир ещё более зловещим и безысходным.

Деревья здесь были поистине странными; их толстые, корявые стволы, покрытые гнилой корой, напоминающей разлагающуюся плоть, оплетали агрессивные плетистые растения — лианы с колючими шипами и листьями, которые ползли вверх, обвивая ветки в удушающем объятии, а затем спускались вниз тяжёлыми клочьями, которые шевелил порывистый ветер, заставляя их качаться, как висельников на ветру.

Тут порыв ветра принёс совсем иной аромат — нежный, притягательный запах свежей выпечки, который рассеивал мрак, словно волшебный эликсир. Он был почти осязаемым и клубился розовой дымкой среди стволов, переливаясь мягкими оттенками, как утренний расцвет, а затем уходил вглубь болота тонкой, еле заметной лентой, извивающейся между деревьями, приглашая следовать за собой в неизвестность.

В следующий миг прямо под ногами, посреди этой гнилой воды, от моего островка протянулась тропинка из кувшинок: их круглые, глянцевые листья, усыпанные каплями росы, сомкнулись в плотную и, казалось, надёжную дорожку, мерцающую зелёными бликами под слабым светом.

Я осторожно ступил на них — листья слегка прогнулись, но выдержали мой вес — и я двинулся вперёд, следуя за ускользящей полоской розового благоухания. По мере продвижения листья то и дело утопали в илистой воде, заставляя меня балансировать на краю, а иногда перепрыгивать на те, что оставались на поверхности, чувствуя, как холодная жижа брызжет вверх, пачкая ноги. Запах петлял среди деревьев, ныряя под свисающие лианы, которые хлестали по лицу, как плети. То он становился густым, обволакивающим, наполняя ноздри сладостью, то почти пропадал, превращаясь в еле уловимый намёк, но никогда не терялся полностью. Он будил во мне неукротимый голод, заставляя слюну скапливаться во рту, а желудок сжиматься в спазме, словно я не ел целую вечность.

Вскоре, несмотря на то, что я блуждал в глухом, непролазном, полном гнили болоте, я вышел на чудесную, залитую солнцем полянку, где мягкая, пушистая травка колыбалась под тёплым июльским бризом, а вокруг цвели потрясающие фиолетовые колокольчики и целое море чертополоха. Я даже и не знал, что эти пушистые колючки могут так обильно и красиво цвести. Посреди этой идиллии стоял небольшой, словно сошедший со страниц доброй сказки домик с нежно-розовыми ставнями, лениво покачивавшимися на ветру. Его крыша тонула в густом бархатистом мхе насыщенного тёмно-зелёного цвета — таком пышном и живом, будто он медленно рос сам по себе, впитывая солнечный свет и лесную тишину, превращая дом в часть волшебного мира. Из открытого окна домика и доносился этот удивительный аромат,

который привёл меня сюда. Дверь была приоткрыта, а изнутри лилась приглушённая, приятная музыка. Мелодия, кажется, звучала из музыкальной шкатулки и была слегка навязчивой. Её переливающиеся ноты напоминали далёкий звон колокольчиков. Она вилась, как серебряная нить, то ускоряясь в игривом вальсе, то замедляясь в задумчивой балладе. Мотив казался таким знакомым, что я невольно начал напевать его про себя, чувствуя, как он будит забытые воспоминания, и с растущим интересом шагнул в дом.

Но как только моя нога коснулась первой ступеньки аккуратного крылечка, под ней всё начало расползаться и гнить: древесина потемнела, покрываясь плесенью, и мелкие лианы того самого растения, что оплетало деревья на болоте, молниеносно поползли вверх, обвивая стены с треском, словно живые щупальца. Буквально за считанные секунды плесень и гниль поглотили дом: балки ломались с оглушительным хрустом, стены раскалывались пополам, а лианы стягивали всё туже, разрывая крышу на части, как пасть хищника, пожирающего добычу. Окна треснули, стёкла посыпались осколками, а весь дом корчился в агонии, превращаясь в руины под натиском этой зелёной заразы, которая шипела и росла с немыслимой скоростью, окрашивая воздух душловым оттенком разложения.

Едва я сошёл с крыльца, оно полностью разложилось под моими ногами, осыпаясь в труху, и я оказался у чёрного провала в земле, который остался на месте дома, откуда всё так же доносилась эта привязчивая мелодия.

Запах резко изменился: сладковатая вонь гниющей плоти, смешанная с душком плесени и серы, забивала дыхание, вызывая рвотные позывы и ощущение, будто всё отравлено ядом.

Немного помедлив, непонятно зачем, видимо повинаясь какому-то внутреннему инстинкту, я шагнул прямо в зияющую пустоту...

И резко открыл глаза.

В комнате царил мягкий утренний свет, и за окном щебетали птицы в изумрудной листве деревьев. Рос мирно посапывал у моих ног, свернувшись клубком, а одеяло, скрутившись в хитрый узел, обвилось вокруг моей шеи, затрудняя дыхание. Совсем неудивительно, что мне приснился такой странный и запутанный сон. Я начал разматывать его и пытался освободиться от этой тёплой ловушки, ёрзая и пыхтя, как медведь в берлоге. Рос, почувствовав мою возню, приоткрыл сонные глаза и с минуту наблюдал за мной с комичным интересом, наклонив голову набок, словно размышляя, стоит ли вмешиваться. Затем, всё-таки решив помочь, он схватил край одеяла зубами со своей стороны, прыгнул с дивана и с энтузиазмом дёрнул изо всех сил. Я не удержался, перекувырнулся через край и с грохотом рухнул на пол, запутавшись в ткани, как в комичной пародии на цирковой номер. Рос, довольный «спасением» меня из объятий этой коварной тёплой тряпки, радостно залаял и принялся облизывать мне лицо мокрым языком, оставляя слюнявые следы.

— У вас тут всё в порядке? — выглянул из кухни Михаил, оглядывая комнату.

— Да, всё хорошо, — ответил я, всё ещё лёжа на полу.

— Приходите тогда завтракать, мы тут блинчиков напекли, — сказал Михаил и скрылся на кухне.

— Ну что, Рос, пойдём? — спросил я у пса, почёсывая его за ухом. Тот закрутился на месте, подпрыгнул, а потом нетерпеливо потянул меня за край футболки на кухню.

За столом уже сидели все наши, ну или почти все: дед, Михаил и Макар. На большой лиловой тарелке высилась целая гора блинов — золотистых, тонких, с хрустящими краешками, уложенных в высокую стопку, которая дымилась теплом, источая одурманивающий аромат.

Макар выглядел весёлым: он ловко подхватывал блинчик пальцами, макал его в густые, кремевые сливки из миски, отправлял в рот с чавканьем и запивал чаем, который был заварен в прозрачном чайнике. Внутри плавали крупные листики заварки, дольки спелого яблока, мандарина и пахучие палочки корицы.

Дедушка смешивал в небольшой чашечке сметану со сгущённым молоком, намазывал ею блинчик, выкладывая на него свежие ягоды малины из стоящей рядом чашки, заворачивал блинчик в аккуратный рулетик и с наслаждением откусывал, закрывая глаза от удовольствия.

Михаил же накладывал себе в блюдечко пару ложечек сливок, прихватывал несколько ложечек варенья из молодых сосновых шишек, смешивал всё в сладкую пасту и обмакивал блинчик. Вприкуску он ел целые шишечки из варенья, мягкие и пропитанные сиропом.

Я просто обожал это варенье, даже не знал, что с прошлого года у нас остались ещё запасы, и сейчас очень обрадовался, обнаружив эту сладость на столе.

Дед протянул мне пустую кружку, и я, налив себе из чайничка душистый чай, с жадностью накинусь на блины, макая их во всё подряд и пробуя всеми способами сразу: один с густой сметаной, другой с хвойным вареньем — добавляя малину, которая лопалась на языке взрывом свежести, и добротной поливая всё это золотистой, тягучей сгущёнкой.

Блины были тонкими и очень нежными, словно лепестки цветов, с лёгкой румянностью по краям, и казалось, что горка вообще не становится меньше — так много их было, и рука тянулась к ним снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.